

человеческие качества, поступки, действия. В соответствии с классификацией фразеологизмов по типу семантики единиц (Скоморохова С.В.), в студенческом бытовании фразеологические единицы распределились следующим образом: 1) фразеологизмы, выражающие характеристику-оценку индивидуальных особенностей человека – 12%; 2) фразеологизмы, выражающие социально-деятельностную характеристику человека в отношениях к другим людям и окружающей реальности – 63%; 3) неантропоцентричные фразеологизмы – 20%; 4) модальные фразеологизмы – 4%.

Фразеологические неологизмы молодежного жаргона образуются с опорой на определенные типы фразеологических моделей. Самым распространенным способом создания новых фразеологизмов в студенческой среде является метафоризация, основанная на сходстве сопоставляемых предметов, явлений, действий (сходство внешних признаков, одинаковый характер протекания процессов и явлений): *файл переполнен, задвинь шторки, стричь капусту* и др. Например, *Найти ребенка в капусте немудрено, сложнее найти капусту, чтобы его вырастить*.

Фразеологизмы несут в себе информацию о мире и социуме. Студенческие словоупотребления (фразеологические неологизмы в том числе) имеют широкое влияние на другие слои общества, позволяют судить о речевом поведении данной социальной общности и общества в целом.

Л и т е р а т у р а :

1. Андропова Е. В. Традиционная русская фразеология в языковой личности современных школьников и проблемы создания комплексного учебного фразеологического словаря : автореф. на соиск. ... канд. фил. наук. – Воронеж, 2009.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : “Русский язык”, 1983. – 269 с.
3. Жуков В. П. Русская фразеология. – М., 1986. – 310 с.
4. Ермакова Е. Н. Фразо- и словообразование в сфере фразеологии : автореферат дисс. ... доктора фил. наук. – Тюмень, 2008.
5. Леорда С. В. Речевой портрет современного студента : дисс. ... канд. фил. наук. – Саратов, 2006. – 161 с.
6. Маслова В. А. Лингвокультурология. – М., 2001. – 208 с.
7. Скоморохова С. В. Конструктивная обусловленность фразеологизмов современного русского языка: дисс. ... канд. фил. наук. – Москва, 2003. – 259 с.
8. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / отв. ред. Л. П. Крысин / Рос. академ. наук. – М. : Языки славянской культуры, – 2003. – 568 с.
9. Телия В. Н. Что такое фразеология. – М. : “Наука”, 1966. – 85 с.

Leiko I. Phraseological neologisms in the speech portrait of the modern student.

The phraseology reflects development of culture of the people, commits stereotypes and cultural attitudes.

The author considers features of phraseological neologisms in the student's environment.

Keywords: *Speech portrait, language person, phraseological unit.*

Лещинская О. А.
Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины (Беларусь)

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ФРАГМЕНТА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА БЕЛОРУСОВ

В статье впервые на материале фразеологизмов белорусского языка, объединенных в семантическое поле ‘еда’, выявлена дополнительно к их семантике культурная коннотация,

отражающая опыт и знания прошлых поколений белорусов и переданная посредством фиксации во фразеологизмах новым поколениям одного фрагмента жизни белорусов.

Ключевые слова: когнитивистика, фразеологизм, семантическое поле 'еда', культурная коннотация, белорусы, память.

В последнее время в лингвистике одним из основных становится когнитивное направление, для которого характерно понимание языка как когнитивного механизма, как системы знаков, в которой находят отражение когнитивные структуры сознания и мышления человека, ментальные процессы, связанные с получением, обработкой, хранением, использованием и выражением информации. Особый интерес в этом аспекте представляют фразеологические единицы (ФЕ), являющиеся не только единицами языка, но и культуры, фиксирующие и сохраняющие знания, соотносимые с предметной областью культуры, с одной стороны, и позволяющие выявить те внутриязыковые средства и способы, которые, как отмечает В.Н. Телия, "придают фразеологизмам способность к культурной референции и тем самым – к отображению в их знаковой форме черт культуры, характерных для того или иного языкового сообщества" [1, с. 13]. Фразеологические ресурсы национального языка являются одним из важнейших средств реконструкции языковой картины мира, позволяющей познать менталитет, характер и национальные отличия каждого народа. В белорусском языкознании в этом направлении сделано пока еще немного, не были объектом и предметом исследования фразеологизмы, составляющие общность на основании семантики, в частности, фразеологизмы, объединенные общим значением "еда", семантический и лингвокультурологический анализ которых позволит представить одну из сторон жизни белорусов.

Целью данной статьи является определение дополнительной к семантике культурной информации, реконструкции одного из фрагментов фразеологической картины мира на материале одного семантического поля ФЕ белорусского языка, выявленных методом сплошной выборки в фразеологическом словаре [2], их корреляции с культурно-национальными традициями белорусов, стереотипами и эталонами лингвокультурного сообщества.

Семантическое поле ФЕ, объединенных значением "еда", представлено относительно небольшой группой (свыше 80 единиц), однако в них зафиксированы и отражены знания белорусов не столько о роли еды в жизни человека, что на самом деле не требует доказательства, сколько об отношении к ней, характеристике ее человеком и об оценке человека через его связь с одним из важных процессов его жизнедеятельности.

Составляющей семантическое поле "еда" является группа ФЕ, обозначающих процесс еды (семантический эквивалент – глагол *есть*), однако каждая ФЕ "обрастает" разными "детальными" и тем отличается одна от другой и, в частности, от основного глагола-эквивалента *есть*: есть немного, иногда на ходу (*на зуб; узяць на зуб; пакласці на зуб; пражывіць душу; замарыць чарвячка /чарвяка*), попробовать какую-либо еду (*узяць на зуб*) либо закусить выпитое (*душу заткнуць*), есть много (*на ўсю губу*) и легко (*як за сябе закінуць*) или не хотеть, не желать есть либо не иметь возможности есть (*не браць у рот, святым духам, і крошкі ў роце не было; макавай расінкі /зерня /зярняці ў роце не было; не лезе /не ідзе у рот /горла; расце ў роце; станавіцца калом у горле*). Именно эти "детали" влияют и на использование каждой из приведенных ФЕ в конкретной ситуации, когда важно подчеркнуть, как человек ест или почему не ест. Анализ ФЕ показывает, что каждая из них характеризуется набором своих актуальных значений, тем образом, который "действует как когнитивная схема – структура знаний, содержащийся в свернутом виде опыт взаимодействия человека с окружающим миром" [3, с. 25].

Известно, что фразеология фиксирует только то, что имеет важное значение в

жизни человека. При этом, как можно заметить и на материале групп семантического поля “еда”, нередко для обозначения одного и того же явления действительности имеется несколько, а то и большое количество ФЕ, что нередко у пытливых вызывает закономерные вопросы – почему или для чего. Так, среди ФЕ анализируемого семантического поля выделяется микрополе, включающее синонимический ряд ФЕ с общим значением “много, вволю (есть)”. Однако, они, во-первых, обозначают большое количество еды, которую съедает, может съесть человек (*ад пуза; да адвалу; за трох /семярых дурных; колькі душа жадае /пажадае /прымае, прыме; колькі ўлезе; на поўную губу; на ўсю губу; не ў свой дух; хоць жывот /пуза /пуп расперажы /развяжы; хоць заліся; хоць расперажыся; як на Дзяды; як дурны на памінках; як не ў сябе; як у прорву; на самую завязку; як на ўбой*) или которая приготовлена, имеется в наличии в связи с определенной причиной (*бяры не хачу; еш не хачу; стол ломіцца; як на Дзяды*); во-вторых, каждая из двух групп имеет противоположную оценку, а каждая ФЕ – свою информацию.

ФЕ первой группы, как правило, дают негативную оценку, ибо они отражают отрицательные особенности человеческого восприятия, их суть – осуждение, сообщение информации о том, что нельзя много есть, ибо это нехорошо, так некрасиво. А образ каждой информирует об этом опыте белорусов, который приобретает во ФЕ стереотипное, символическое и эталонное проявление, о чем свидетельствуют компоненты *обе щеки, полная губа, пузо, пуп, прорва, на убой* и др.

Во второй группе явно выражается положительная оценка, поскольку эти ФЕ содержат не только сему ‘много’, но и выражают дополнительно чувство удивления, восторга, радости от обилия продуктов, количества приготовленных блюд, поскольку их наличие обусловлено важной, с точки зрения белоруса, причиной – встреча гостей, в связи с определенным ритуалом и т. д. Таким образом они передают знания о гостеприимстве, о радушии, фиксируют сведения о исторических и культурных событиях, ритуалах и т. п. Так, ФЕ *як на Дзяды* зафиксировала память о дне поминания мертвых и поведение и эмоции белорусов, когда на праздничный стол готовили много блюд, чтобы задобрить души умерших, выразить им свое почтение. В результате такая культурная информация влияет на оценку и употребление ФЕ, а носителям этой ФЕ завещано уважение к предкам, необходимость почитания умерших.

Еще одна составляющая семантического поля – это группа ФЕ, каждая и которых отражает разный способ употребления еды: с аппетитом, со вкусом (*аж за вушамі трашчыць*) и без него (*як /што на плот /пляцень вешаць*), с жадностью (*на поўны рот; на поўную губу; на ўвесь рот*), с аппетитом, жадностью или торопясь (*аж нос гнецца; за абедзве шчакі*); съедая всё полностью, с аппетитом (*да крошкі; за маліну*), что и объясняет довольно большое количество ФЕ с близким значением. Как можно судить в связи с прозрачностью мотивации перечисленных ФЕ, в них опять преимущественно отражены наблюдения и представлены отрицательные моменты относительно способов употребления еды, тем самым подкрепляя универсальный закон фразеологии “членить отрицательный опыт более старательно, нежели положительный, который воспринимается как норма” [4, с. 27]. В результате в них сформулированы этические нормы и правила употребления еды.

Зафиксированы во ФЕ опыт и знания наших предшественников относительно голодного существования, т. е. выделяется группа ФЕ с общим значением ‘голодать’. И опять, несмотря на наличие нескольких ФЕ с близким значением, каждая отличается своей дополнительной информацией. Так, значение ‘голодать’ характерно ФЕ *класці зубы на паліцу; ляскаць зубамі; смактаць лапу; сядзець на хлебе і /ды <на> вадзе; з хлеба на квас /ваду* (перабівацца, перакідацца), однако их образ, внутренняя форма указывают

на разные причины и способы голодания, соответственно выражая разную оценку, экспрессивно-эмоциональную характеристику, требуя разный контекст и неся разную культурную информацию. ФЕ *класці зубы на паліцу* отражает обобщенное представление о полуголодном существовании продолжительное время, когда зубам-“инструментам” нет работы и их можно класть на полку; источник образа ФЕ *ляскаць зубамі* – намек на волка, голодного, злого в поисках, думах о еде. А вот ФЕ *смактаць лапу* своим образом адресует нас к привычке медведя во время зимней спячки сосать лапу, тем самым ФЕ выделяет, подчеркивает, что продукты питания есть, но их в какой-то период времени недостаточно по какой-то причине, поэтому их нужно беречь. ФЕ употребляется с иронией, выражает шутливое отношение к кому-либо или к себе в таком состоянии. Компонентный состав, значение ФЕ *сядзец на хлебе і /ды <на> вадзе* и *з хлеба на квас /ваду* (перабівацца, перакідацца) близкие: в них отражены установки наших предков о вполне достаточном количестве продуктов питания, поскольку хлеб и вода – минимум еды. Однако в первой выражен акцент на продолжительности такого состояния или крайней бедности, в другой – на переход от одного состояния до другого – от крайней бедности до наличия еды, хотя и не очень разнообразной, но достаточной для проживания.

А вот ФЕ *у чорным целе* (трымаць) и *садзіць на ваду* отражают состояние голода, которое испытывает агент ФЕ не по своей воле, так как это, как в первой ФЕ, кто-то кого-то плохо кормит либо, как во второй ФЕ, кто-то кого-то наказывает голодом.

Семантическое поле “еда” было бы неполным, если бы в нем не было ФЕ, отражающих знания и представления белорусов о качестве еды. Вероятно, в силу скудности, небольшого выбора блюд, строгого повседневного питания в прошлом большее внимание во ФЕ обращено к вкусным блюдам, оценке их качества (*за вушы не адцягнеш; пальчыкі абліжаеш; у роце растае (-юць); язык праглынеш; просіцца ў рот*) и меньшее к невкусным (*хоць на сабаку вылі; з душы верне*), тем самым выражая необходимость качественной работы в приготовлении еды, бережливость (выливать – тратить продукты, грешно).

В белорусской фразеологии выделенного семантического поля есть и общая оценка продуктов питания, выявляя, с одной стороны, установки белорусов с их благодарностью Богу за это и готовность поделиться с другими, таким образом приглашая кого-либо к еде, угощению (*чым бог наслаў; што бог наслаў*), с другой – репрезентируя символически маркированные компоненты и сохраняя в своей структуре напоминание о древнем обычае подносить хлеб и соль, ставшие для белорусов, как и других славянских народов, символами (*хлеб-соль; хлеб і соль*). А ФЕ (хлеб) *і да хлеба* – это свидетельство благосостояния жизни человека, в частности, большего количества продуктов питания в сравнении с жизнью, когда *сядзец на хлебе і /ды <на> вадзе* или перебиваются *з хлеба на квас /ваду*.

Как видим, во внутренней форме, зафиксированных образах ФЕ семантического поля “еда” отражена культурно-национальная форма знаний белорусов: попадает осуждению употребление большого количества еды (*як дурны на памінках; як не ў сябе* и др.), неэтичность способа приема ее (*на ўвесь рот; аж нос гнецца* и др.), состояние продолжительности голода или содержания кого-нибудь в голоде (*ляскаць зубамі; смактаць лапу; сядзец на хлебе і /ды <на> вадзе; з хлеба на квас /ваду* (перабівацца, перакідацца); *у чорным целе*) и, наоборот, одобряется большое количество еды, богатство стола при угощении кого-нибудь, в день праздника, положительно оценивается мастерство приготовления блюд (*пальчыкі абліжаеш; просіцца ў рот* и др.), тем самым представляя и характеризую ментальность белорусов. А семантика ФЕ анализируемого семантического поля опирается на архетипы национального сознания: с

одной стороны, бережливость, мера, разумный подход белорусов к питанию, с другой, гостеприимство, сердечность, щедрость, открытость, готовность поделиться.

Таким образом, ФЕ семантического поля “еда” доводят нам дополнительную информацию, то значение, которое может быть представлено как “информационный текст, различные смыслы которого проходят “сквозь фильтр ментальности” говорящего и слушающего, *интерпретируются* в пространстве социального и культурного знания, активизируемого субъектом в момент общения” [5, с.164]. Выявление и знание культурной информации ФЕ делают их носителей духовно богатыми, способствуют единению и ощущению каждым частицей своего народа, способствуют сохранению традиций, истории народа, а значит, и продолжению жизни.

Автор не претендует на полное и исчерпывающее изучение ФЕ, однако в перспективе видит дальнейшее их исследование на материале отдельных семантических полей с лингвокультурологических и когнитивных позиций, что позволит дать полную и исчерпывающую картину материальной, социальной и духовной культуры белорусов, их культурно-национального опыта и знаний.

Л и т е р а т у р а :

1. *Телия В. Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В.Н. Телия // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В.Н. Телия. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 13-24.
2. *Лепешаў І. Я.* Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. – Т. 1. А-Л / І.Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 672 с.; Т. 2. М-Я / І.Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – 704 с.
3. *Баранов А. Н.* Принципы семантического описания фразеологии / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 2009. – № 9. – С. 21-34.
4. *Графова Т. А.* Смысловая структура эмотивных предикатов / Т.А.Графова // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности / [В.Н. Телия, Т.А. Графова, А.М. Шахнарович [и др.] ; АН СССР, Ин-т языкозн. ; отв. ред. В.Н. Телия. – М., 1991. – С. 67-99.
5. *Ковшова М. М.* Как с писаной торбой носиться: принципы когнитивно-культурологического исследования идиом / М.М. Ковшова // Фразеология в контексте культуры. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 164-173.

Лециньска О. А. Репрезентація фрагменту фразеологічної картини світу білорусів.

У статті вперше на матеріалі фразеологізмів білоруської мови, об'єднаних у семантичне поле "їжа", виявлено додатково до їх семантики культурну конотацію, що відображає досвід і знання минулих поколінь білорусів і передана за допомогою фіксації під фразеологізмами новим поколінням одного фрагмента життя білорусів.

Ключові слова: когнітивістика, фразеологізм, семантичне поле "їжа", культурна конотація, білоруси, пам'ять.

Leshchinskaya O. A. Representation of the fragment of Byelorussian phraseological picture of the world.

In the article on the material of the phraseological units of the Byelorussian language, which are united in the semantic field 'food', their cultural connotation is revealed. The cultural connotation reflects the experience and knowledge of the past generations of the Byelorussians and passes by means of fixation in phraseological unit to the new generations showing one fragment of lives of the Byelorussians.

Keywords: cognitive science, phraseological unit, semantic field 'food', cultural connotation, Byelorussians, memory.